

Наташа. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://nabokovvladimir.ru/> Приятного чтения!

Наташа. Владимир Владимирович Набоков

Предисловие к первой публикации

Несколько лет назад, разбирая рукописи Владимира Набокова, хранящиеся в библиотеке конгресса США, в поисках материалов для собрания драматургии писателя, над которым я в то время работал, я обнаружил рукопись не известного мне рассказа «Наташа». Относящийся к началу 20-х годов прошлого века, неопубликованный и неизученный, этот рассказ был лишь кратко пересказан Брайаном Бойдом на страницах написанной им биографии Набокова, недавно вышедшей и по-русски. Бегло просмотрев эти пятнадцать листов линованной бумаги, исписанной тонким пером автора «Трагедии г. Морна» и «Приглашения», я понял, отчего этот рассказ столь долгое время оставался под спудом. Стремительно, в «одно касание» написанный черновик пестрел изысканной в своей изощренности правкой. Микроскопические вставки и уточнения, целые предложения, вымаранные, а затем вновь возвращенные к жизни путем подчеркивания, озерцо кляксы, в котором тонет не раз переправленное слово, к тому же еще всякие другие неприятности – небрежный синтаксис, описки, пропуски...

Взять на себя труд по его восстановлению мог, конечно, лишь русскоязычный исследователь, но таковых побывало в архиве Набокова совсем немного; для западного же ученого, пусть отчаянно любящего Набокова и отлично владеющего русским, то была бы задача непомерной трудности. Ведь мало того что надо знать русскую, с «ятями» и «ерами», орфографию, которой Набоков придерживался до конца жизни, у исследователя должен быть еще развит особый навык чтения руки Набокова «с листа». Работа с набоковским эпистолярием и автографами его ранних сочинений давали мне, как я полагал, все эти преимущества. Прочитав рукопись и уверившись, что, несмотря на кажущуюся безнадежность предприятия, рассказ восстановить все-таки можно, летом 2006 года я сделал его первую редакцию и послал сыну писателя для решения его судьбы. Со многими неясными строками удалось совладать уже тогда, другие продолжали упорно сопротивляться, сколько я ни рассматривал словесную вязь сквозь линзу увеличительного стекла.

Невзирая на явную неотделанность, вполне «рабочее» и в бунинском духе название (сравните: «Клаша», «Таня», «Руся» и др.), вместо которого, реши Набоков все-таки напечатать его, стояло бы что-то более отвлеченное и ёмкое, несмотря на многие неловкие строки, выдающие еще очень неопытного автора, это сочинение, на мой взгляд, безусловно, заслуживало публикации. Сама по себе «живучесть» рукописи, уцелевшей в многочисленных переездах и передрыгах на разных континентах и пролежавшей среди бумаг писателя восемьдесят с лишком лет, намекала на особую важность ее для автора, если не художественную, то личную. И может быть, о чем-то очень значительном могла бы по секрету сказать увлеченному Набоковым читателю.

Сыну писателя, Дмитрию, рассказ показался весьма интересным, и было решено готовить его к публикации – русской и английской. Общими усилиями и во многом благодаря исключительно чуткому и внимательному прочтению рассказа блестящим переводчиком и истолкователем Набокова Геннадием Барабатарло удалось разобрать почти все оставшиеся спорные или трудные места, после чего Дмитрий Набоков бережно перенес «Наташу», со всеми предметами обстановки и оттенками, на английский, и в начале июня выпустил ее в «Нью-Йоркере». Теперь «Наташа» выходит по-русски.

Мне уже случалось приводить свидетельства того, что ранний Сирин в действительности не так прост, как это может показаться почитателю его зрелых произведений, снисходительно листающему пьесы или рассказы, написанные Набоковым в начале 20-х годов. Как это ни странно, порой он еще более скрытен и умышлен в самых ранних своих опытах, чем даже в романах, которые его прославили. Все дело в том, что знаменитое многоярусное искусство Набокова, увлекающее читателя в напряженный поиск сокрытых значений и тем, развилось из невинной домашней забавы, состоявшей в измышлении и отгадывании разного рода причудливых литературных задач, начиная с шуточных шарад на трех языках и до тончайших намеков на, скажем, «Гамлета», которыми обменивались прекрасно образованные Набоковы между собой. Многие такие литературные намеки и криптограммы, перенесенные Набоковым в свои ранние произведения и адресованные близким людям, не могли быть понятны постороннему. Впоследствии, став профессиональным

Наташа. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru писателем, Набоков еще многократно усложнил свою литературную игру, но зато придумал для нее и определенные нерушимые правила, держась которых, при известном уровне подготовки, раньше или позже загадку можно решить.

Немало тайного и личного и в «Наташе». Так, странные переживания героини рассказа, которые можно назвать опытами метафизического ясновидения, напоминают происшедший с самим Набоковым случай с аршинным фаберовским карандашом, описанный им в «Даре» и «Других берегах», когда он, находясь дома после долгой болезни, мысленно сопутствует своей матери, поехавшей покупать ему подарок. И, кстати сказать, тот эпизод в «Даре», в котором описывается полудействительная встреча Федора Годунова-Чердынцева со своим отцом, много лет назад пропавшим в экспедиции в Китае, имеет свой исток в «Наташе», которая завершается такой же потусторонней встречей. Вымышленные путешествия барона Вольфа по Африке напоминают о том, что молодой Набоков, будучи кембриджским студентом, и сам едва не отправился в научную экспедицию в Африку, и находят свое развитие в «Даре», где Федор со сверхчувственной ясностью воображает свои странствия по Китаю и Тибету. Надо заметить, что, как и в «Даре», в этом раннем рассказе материалом для экзотических выдумок Вольфа служит документальный источник. Нигде, кроме нескольких городов России не бывавший, Вольф отчасти пересказывает увлекательные путешествия знаменитого Генри Стэнли, его приключения в Конго во время экспедиции по розыскам пропавшего доктора Ливингстона. В книге Стэнли «Как я нашел Ливингстона» есть описание упомянутого в рассказе озера Танганьика и встречи с африканским царьком, и исполинских деревьев...

Но это просто. Другой вопрос будет мучить всякого, кто внимательно прочитает этот рассказ. Существует ли некая глубоко скрытая связь между Наташиными «припадками прозрения» и вдохновенной ложью Вольфа о его встречах в Конго с удивительным колдуном? И сходится ли все это вместе в заключительных словах старика Хренова о какой-то «изумительной» новости, напечатанной в свежих газетах? Что это за новость? Имеет ли она отношение к загадке самой жизни? Возможно ли узнать эту новость, находясь по эту сторону действительности?

Андрей Бабилов

Владимир Набоков

НАТАША

1

На лестнице Наташа встретила соседа по комнате[1], барона Вольфа: поднимаясь тяжело по голым деревянным ступеням, он ладонью гладил перила и сквозь зубы посвистывал.

– Куда бежите, Наташа?

– В аптеку. Рецепт несус. Только что был доктор. Папе лучше.

– А! Вот это приятно...

Она мелькнула мимо, в шелестящем макинтоше, без шляпы.

Вольф посмотрел ей вслед, перегнувшись через перила: на миг увидел сверху ее гладкий девический пробор. Продолжая посвистывать, он поднялся на верхний этаж, бросил мокрый от дождя портфель на кровать, крепко, с удовольствием вымыл и вытер руки. Потом постучался к старику Хренову.

Хренов жил через коридор, в одной комнате с дочерью, причем Наташа спала на диване; в диване были удивительные пружины, перекатывающиеся и вздувающиеся металлическими кочками сквозь дряблый плюш. Был еще стол, некрашенный, покрытый газетой в чернильных пятнах. На нем валялись папиросные гильзы. Больной Хренов, маленький тощий старик в рубахе до пят, со скрипом юркнул обратно в постель и поднял на себя простынь, когда в дверь просунулась большая бритая голова Вольфа.

– Пожалуйста, очень рад, входите.

Старик трудно дышал[2], и дверца ночного столика осталась полуоткрытой.

– Говорят, совсем поправляетесь, Алексей Иваныч, – сказал барон Вольф, усевшись у постели и хлопнув себя по коленям.

Хренов подал желтую, липкую руку, покачал головой.

– Мало ли что говорят... Я-то отлично знаю, что...

Он издал губами лопающийся звук.

– Ерунда, – весело отрезал Вольф и вынул из заднего кармана громадный серебряный портсигар. – Курить можно?

Он долго возился с зажигалкой, щелкая зубчатым винтом. Хренов прикрыл глаза: веки у него были синеватые, как лягушачьи пленки. Седая щетина облипала острый подбородок.

Он сказал, не открывая глаз:

– Так оно и будет. Двух сыновей убили, выкинули меня с Наташей из родного гнезда – теперь изволь помирать в чужом городе. Какая, в общем, глупость.

Вольф заговорил громко и отчетливо. Он говорил о том, что жить еще, слава Богу, Хренов будет долго, что в Россию все вернутся к весне с журавлями, и тут же рассказал случай из своего прошлого.

– Это было во время моих скитаний по Конго, – говорил он, и его крупная, склонная к полноте фигура слегка раскачивалась. – Да, в далеком Конго, дорогой мой Алексей Иванович, в таких, знаете, дбрях... Представьте себе лесную деревню, черные женщины с длинными грудями – и между хижин, черных, как каракуль, – блеск воды. Там под исполинским деревом – зовется оно кируко – оранжевые плоды, как резиновые мячики, и ночью, в стволе, как бы шум моря. Была у меня долгая беседа с местным царьком. Переводчиком был один бельгийский инженер – тоже любопытный человек. Клялся, между прочим, что в 1895 году [3] видел в болотах неподалеку от Танганьики ихтиозавра. А царек был измалеван кобальтом, увешан кольцами, жирный, с животом, как желе. И вот, что оказалось, – Вольф, смакуя свой рассказ, улыбнулся, поглаживая голубую свою голову, и влажные глаза его стали задумчивы.

– Наташа вернулась, – тихо и твердо вставил Хренов, не поднимая век.

Вольф, мгновенно порозовев, оглянулся. Через мгновение где-то далеко звякнула задвижка входной двери, затем по коридору зашелестели шаги.

– Ну как, папочка...

Вольф встал и с притворной развязностью сказал: «Отец ваш совершенно здоров, я не понимаю, отчего он лежит... Я собирался рассказать ему об одном африканском колдуне».

Наташа улыбнулась отцу и стала разворачивать лекарство.

– Дождь идет, – сказала она негромко. – Ужасно скверная погода.

Как это всегда бывает, другие посмотрели в окно. У Хренова при этом напряглась на шее сизая жила – потом он снова откинул голову на подушки.

Наташа, надув губы, считала капли, и ее ресницы в такт мигали. Темные гладкие волосы были в бисере дождя, под глазами синели прелестные тени.

2

Вернувшись к себе, Вольф долго ходил по комнате, растерянно и счастливо улыбался, тяжело падал то в кресло, то на край постели, зачем-то отворил окно и поглядел в темный журчащий двор внизу. И, наконец, судорожно пожав плечом, надел шляпу и вышел.

Старик Хренов, который сидел, скрючившись, на диване, пока Наташа поправляла ему на ночь постель, заметил без выражения, вполголоса:

– Вольф ушел ужинать.

Потом вздохнул и плотнее закутался в одеяло.

– Готово, – сказала Наташа. – Лезь обратно, папочка.

Кругом был вечерний мокрый город, черные потоки улиц, подвижные, блестящие купола зонтиков, огонь витрин, стекающий в асфальт. Вместе с дождем лилась ночь, наполняла глубокие дворы, дрожала в глазах тонконогих проституток, медленно гулявших взад и вперед на людных перекрестках. И где-то нависали?, зажигались быстрой чередой круговые лампочки рекламы, словно вращалось световое колесо.

К ночи у Хренова поднялась температура – градусник был теплый, живой, столбик ртути высоко влез по красной лесенке. Долго он бормотал что-то непонятное, кусал губы и покачивал головой, потом уснул. Наташа разделась при вялом пламени свечки, в темном стекле окна увидела свое отражение: бледную тонкую шею, темную косу, упавшую через ключицу. Так она стояла в нежном оцепенении, и вдруг показалось ей, что комната, с диваном, со столом, усеянным папиросными гильзами, с кроватью, на которой, открыв рот, беспокойно спит остроносый, потный старик, тронулась, и вот плывет, как палуба, в черную ночь. Тогда она вздохнула, провела ладонью по голому теплому плечу и, легко уносимая головокружением, опустилась на диван. Потом, смутно улыбаясь, стала отворачивать, стягивая с ног, шелковые старые чулки, заплатанные во многих местах, – и опять поплыла комната, и казалось, что кто-то горячо дует ей в шею, в затылок. Она широко раскрыла глаза – длинные, темные, с голубоватым блеском на белках. Осенняя муха завертелась вокруг свечи и жужжащей черной горошинкой стукнулась об стену. Наташа медленно вползла под одеяло и вытянулась, ощущая, словно со стороны, теплоту своего тела, длинных ляжек, голых рук, закинутых под голову. Ей было лень потушить свечу, лень спугнуть шелковые мурашки, от которых невольно сжимались колени и закрывались глаза. Хренов тяжело охнул и поднял во сне одну руку. Рука упала как мертвая. Наташа привстала, подула на свечу. Разноцветные круги поплыли перед глазами.

«Удивительно мне хорошо», – подумала она и рассмеялась в подушку. Теперь она лежала, вся сложившись, и казалась себе самой необыкновенно маленькой, и в голове все мысли были, как теплые искры, они мягко рассыпались, скользили. Только стала она засыпать, как дремоту ее расколол неистовый, гортанный крик.

– Папочка, папа, что такое?

Она пошарила по столу, зажгла свечку.

Хренов сидел на постели, бурно дышал, вцепившись пальцами в ворот рубашки. Несколько минут до того он проснулся – и замер от ужаса, приняв светящийся циферблат часов, лежащих рядом на стуле, за ружейное дуло, неподвижно направленное на него. Он ждал выстрела, не смел шевельнуться – а потом не выдержал – закричал. {1} Теперь он смотрел на дочь, мигая, с дрожащей улыбкой.

– Папочка, успокойся, ничего...

Она, нежно шурша босыми ногами, оправила ему подушки, тронула липкий, холодный от поту, лоб. Он с глубоким вздохом, все еще вздрагивая, отвернулся к стене, пробормотал:

– Всех, всех... Меня тоже. Это кошмарно... Нельзя.

И заснул, словно куда-то провалился.

Наташа снова легла – диван стал еще ухабистей, пружины давили то в бок, то в лопатки, но, наконец, она устроилась, поплыла в тот прерванный, невероятно милый сон, который она еще чувствовала, но уже не помнила. Потом, на рассвете, проснулась опять. Отец звал ее.

– Наташа, мне нехорошо... Дай попить.

Она, чуть пошатываясь спросонья, пронизанная синеватым рассветом, двинулась к раковине, зазвенела графином.

Хренов жадно и тяжело выпил. Сказал:

– Это ужасно, если я никогда не вернусь.

Наташа. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru

– Поспи, папочка, постарайся еще поспать.

Наташа накинула фланелевый халатик, присела у изножья отцовской постели. Он повторил несколько раз: «Это ужасно». Потом испуганно улыбнулся.

– Мне все кажется, Наташа, что я иду через нашу деревню. Помнишь, там, у реки, где лесопильня. И трудно идти. Опилки, знаешь. Опилки и песок. Вязнут ноги. Щекотно. Вот мы когда-то ездили за границу...

Он наморщил лоб, с трудом следя за ходом собственной спотыкающейся мысли...

Наташа вспомнила необыкновенно живо, какой он был тогда, светлую бородку вспомнила, серые замшевые перчатки, клетчатое дорожное кепи, чем-то напоминавшее резиновый мешок для губки, – и вдруг почувствовала, что сейчас заплачет.

– Да. Вот значит как, – безучастно протянул Хренов, глядя в туман рассвета.

– Поспи еще, папочка. Я все помню...

Он неловко отпил воды, потер руками лицо, откинулся на подушки.

Во дворе судорожно и сладострастно? кричал петух...

З

Когда утром, около одиннадцати, Вольф постучал к Хреновым, в комнате испуганно звякнула посуда, пролился Наташин смех – и через мгновение она выскользнула в коридор, осторожно прикрыв за собой дверь.

– Я так рада – папе сегодня куда лучше.

Она была в белой блузке, в бежевой юбке с пуговицами вдоль бедра. Длинные блестящие глаза ее были счастливы.

– Страшно беспокойная ночь, – продолжала быстро Наташа, – а теперь он совсем свежий, температура нормальная. Решил даже встать. Сейчас умыла его.

– Сегодня – солнце, – сказал Вольф таинственно. – Я не пошел на службу...

Они стояли в полутемном коридоре, прислонившись к стене, и не знали о чем еще говорить.

– Знаете что, Наташа, – вдруг решился Вольф, отталкиваясь широкой мягкой спиной от стены и глубоко засунув руки в карманы серых мятых штанов. – Давайте поедем сегодня за город. К шести будем дома. А?

Наташа стояла, тоже прижимаясь к стене плечом и тоже слегка отталкиваясь.

– Как же я оставлю папу? Впрочем...

Вольф вдруг повеселел.

– Наташа, милая, ну, пожалуйста... Ведь ваш батюшка сегодня здоров. Да и хозяйка рядом, если что нужно...

– Да, это правда, – протянула Наташа. – Я ему скажу.

И, плеснув юбкой, повернула обратно в комнату.

Хренов, одетый, но без воротничков, слабо шарил по столу руками.

– Ты, Наташа, вчера газеты забыла купить. Эх ты...

Наташа повозилась со спиртовкой, заварила чай.

– Папочка, я сегодня хочу поехать за город, Вольф предложил.

– Душенька, конечно, поезжай, – сказал Хренов, и синие белки глаз его налились

Наташа. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
слезами. – Мне, право, сегодня лучше. Только слабость идиотская...

Когда Наташа ушла, он опять медленно зашарил по комнате, все ища чего-то... Попробовал отодвинуть диван – тихо крякал. Потом заглянул под него – лег ничком на пол, да так и остался, голова тошно закружилась. Медленно, с усилием встав опять на ноги, он дотащился до постели, лег... И снова ему показалось, что он идет через какой-то мост, шумит лесопильня, плывут желтые стволы и ноги глубоко вязнут в сырых опилках, и прохладный ветер с реки дует, прохватывает насквозь...

4

– Путешествия, да... Ах, Наташа, я иногда чувствовал себя богом. Я видел на Цейлоне Дворец Теней и дробью бил крохотных изумрудных птиц на Мадагаскаре. Туземцы тамошние носят ожерелья из позвонков и странно так поют, ночью, на взморье. Словно музыкальные шакалы. Я жил в палатке неподалеку от Таматавы, где по утрам земля красная, а море – темно-синее. Я не могу описать вам это море.

Вольф замолк, тихо подкидывая сосновую шишку. Потом провел пухлой ладонью по лицу сверху вниз и рассмеялся.

– А вот теперь я – нищий, застрял в самом неудачном из всех европейских городов, день-деньской, как тюря, сижу в конторе, вечером жую хлеб с колбасой в шоферском кабаке. А было время...

Наташа лежала навзничь, раскинув локти, и смотрела, как озаренные вершины сосен тихо ходят в бледно-бирюзовой вышине. Она вглядывалась в это небо, и тогда кружились, мерцали, сыпались ей в глаза светлые точки. А по временам что-то перелетало с сосны на сосну – золотая судорога?. Рядом, у скрещенных ног ее, сидел барон Вольф, в просторном своем сером костюме и, нагнув бритую голову, все подкидывал сухую шишку.

Наташа вздохнула.

– В Средние века, – сказала она, глядя на верхушки сосен, – меня бы сожгли или бы приобщили к святым. У меня бывают странные ощущения. Вроде экстаза. Я тогда – совсем легкая, и плыву куда-то, и всё понимаю – жизнь, смерть, всё... Раз, когда мне было лет десять, я сидела в столовой и рисовала что-то. Потом я устала и задумалась. И вдруг очень поспешно вошла женщина, босая, в синих блеклых одеждах, с большим, тяжелым животом, а лицо худое, маленькое, желтое, с необыкновенно ласковыми ?, необыкновенно таинственными ? глазами... Прошла поспешно женщина, не взглянув на меня, прошла и скрылась в соседней комнате. Я не испугалась, почему-то подумала, что она пришла мыть полы. Эту женщину я никогда больше не встречала – но знаете, кто это была... Богоматерь.

Вольф улыбнулся.

– Почему вы так думаете, Наташа?

– Я знаю. Она мне приснилась потом, через пять лет, – и держала ребенка, а у ног ее сидели, облокотившись, херувимы – совсем как у Рафаэля – но живые. И, кроме того, у меня бывают другие – маленькие, совсем маленькие видения. Когда в Москве забрали отца и я осталась одна в доме, то такая вещь случилась: на письменном столе был медный колоколец, из тех, которые подвешивают коровам в Тироле. И вдруг он поднялся на воздух, зазвенел и упал. Такого дивного чистого звука я никогда...

Вольф странно посмотрел на нее. Потом далеко кинул шишку и проговорил холодным, глухим голосом.

– Мне нужно вам сказать, кое-что, Наташа. Вот: ни в Африке, ни в Индии я никогда не бывал. Это все вранье. Мне сейчас под тридцать, но кроме двух-трех русских городов, дюжины деревень да вот этой глупой страны, я ничего не видал. Простите меня.

Он уныло улыбнулся. Ему вдруг стало нестерпимо жаль громадных своих фантазий, которыми он с детства жил.

Было сухо и тепло, по-осеннему. Сосны чуть скрипели, качались золотистые их верхушки.

Наташа. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru

– Муравьи, – сказала Наташа, привстав и похлопывая себя по юбке, по чулкам. – Мы сидели на муравьях.

– Вы меня очень презираете? – спросил Вольф.

Она рассмеялась.

– Глупости какие. Ведь мы с вами квиты. Все то, что я говорила вам об экстазе, о Богоматери, о колокольчике, – все это тоже фантазии. Я это как-то придумала, и потом, конечно, мне казалось, что так было на самом деле...

– Вот именно, – сказал Вольф, просяив.

– Расскажите еще что-нибудь из ваших путешествий, – деловито, без лукавства попросила Наташа.

Вольф привычным движением вынул свой солидный портсигар.

– К вашим услугам. Однажды, когда я плыл на шхуне из Борнео к Суматре...

5

Мягкий скат шел к озеру. Столбики деревянной пристани серыми спиралями отражались в воде. За озером были те же темные сосновые леса – но кое-где просвечивал белый ствол, желтый дымок: березка. По темно-бирюзовой воде плыли отблески облаков – и Наташе вдруг показалось, что они в России, что нельзя быть вне России, когда такое горячее счастье сжимает горло, – а счастлива она была потому, что Вольф говорил такие великолепные глупости, мечет, ухая, плоские камешки, которые, как по волшебству, скользят и скачут по воде. В этот будний день никого людей не видно было – только изредка доносились облачки восклицаний и смеха, а по озеру реяло белое крыло, парус яхты.

Они долго шли берегом, взбегали на скользкие скаты, отыскивали тропинку, где черной сыростью пахло от кустов орешника. Немного дальше, у самой воды, было кафе – совершенно пустынное, даже ни прислуги, ни посетителей, словно где-то случился пожар, и все побежали смотреть, унося с собою свои кружки и тарелки. Вольф и Наташа обошли его кругом. Потом сели за пустой столик и притворились, что пьют и едят, что играет оркестр. И пока они так шутили, Наташе вдруг отчетливо послышалось, что действительно звучит слово нрзб. духовая музыка, и тогда она с таинственной улыбкой встрепенулась, побежала вдоль берега, и барон Вольф тяжело и мягко метнулся следом за ней, крича: «Подождите, Наташа, мы же не расплатились!».

Потом они нашли яблочно-зеленую поляну, отороченную осокой, сквозь которую жидким золотом горела на солнце вода, и Наташа, жмурясь и раздувая ноздри, повторила несколько раз:

– Боже мой, как хорошо...

Вольф обиделся на эхо, которое не откликалось, и замолк, и в это воздушное солнечное мгновение у широкого озера какая-то грусть пролетела, как певучий жук.

Наташа поморщилась и сказала:

– Мне почему-то кажется, что папе опять хуже. Может быть, я напрасно оставила его.

Вольф вспомнил худые, лоснистые, в седой щетине ноги старика, когда тот вскакивал обратно в постель. Подумал: «А вдруг он как раз сегодня и умрет?». Громко и бодро сказал:

– Да что вы, Наташа, он теперь здоров.

– Я тоже так думаю, – проговорила она и повеселела снова.

Вольф скинул пиджак: от его плотного тела в полосатой рубашке пахло мягким жаром, и шел он совсем рядом с Наташей; она глядела прямо перед собой, и ей приятно было чувствовать эту теплоту, что шагает рядом.

– Как мечтаю, ах, как мечтаю, Наташа, – говорил он, взмахивая свистящим прутиком. – И ведь разве я лгу, когда я выдаю фантазии мои за правду? Приятель был у меня, он прослужил три года в Бомбее. Бомбей? Господи! Музыка географического названия. В одном этом слове есть что-то гигантское, солнечные бомбы, барабаны. Но, представьте себе, Наташа, этот мой приятель ничего не мог рассказать, ничего не помнил, кроме служебных дрязг, жары, лихорадки да жены какого-то британского полковника. Кто же из нас двоих действительно побывал в Индии... Разумеется, я. Бомбей, Сингапур... Вот я, например, помню...

Наташа шла у самой воды, так что детские волны озера всплескивали к ее ногам. Где-то за лесом, как по струне, прошел поезд – и оба прислушались. День стал чуть золотистее, чуть мягче, и посинели леса по той стороне озера.

У вокзала Вольф купил бумажный мешок со сливами, но они оказались кислыми. Сидя в поезде, в пустом деревянном отделении, он ежеминутно выбрасывал их из окна – и все жалел, что не украл где-нибудь в кафе тех картонных кружков, на которые ставят кружки с пивом.

– Они так хорошо летят, Наташа. Как птица. Просто прелесть.

Наташа устала; она жмурилась?, и тогда снова, как ночью, обхватывало и поднимало ее чувство головокружительной легкости.

– Когда я буду рассказывать папе о нашей прогулке, не перебивайте и не поправляйте меня. Я буду, вероятно, говорить о том, чего мы не видели вовсе – о всяких маленьких чудесах. Он поймет.

Приехав обратно в город, они пошли домой пешком. Барон Вольф как-то присмирел – и морщился от хищных звуков автомобильных гудков. А Наташа шла, как на парусах, – словно усталость ее поднимала, окрыляла ее, делала ее невесомой – и Вольф? ей казался весь синим, как вечер. За один квартал до дома Вольф вдруг остановился. Наташа легко пролетела вперед. Потом стала тоже. Обернулась. Вольф, подняв плечи и глубоко засунув руки в карманы просторных штанов, согнув по-бычьей голубую голову свою, – сказал: «Наташа – вниманье». Он посмотрел вбок и сказал, что любит ее. Тотчас же повернулся, быстро пошел от нее и с деловитым? видом завернул в табачную лавку.

Наташа постояла немного, словно повиснув? в воздухе, и потом тихо пошла к дому. «И это я скажу отцу», – подумала она, двигаясь вперед в каком-то синем тумане счастья, среди которого фонари зажигались, как драгоценные камни. Она почувствовала, что слабеет, что по спине скользят тихие горячие волны. Когда она очутилась у дома, она увидела, как ее отец в черном пиджаке, прикрыв одной рукой отсутствие воротничка и в другой раскачивая дверные ключи, торопливо вышел и направился, чуть горбясь в тумане вечера, к будке газетчицы.

– Папочка, – позвала она и пошла за ним. Он остановился на краю панели и глянул со знакомой, чуть лукавой улыбкой, нагнув голову набок. – Совсем седой петушок. Ах, ты не должен выходить, – сказала Наташа.

Отец ее нагнул голову в другую сторону и очень тихо, очень взволнованно сказал:

– Душенька, сегодня в газете есть что-то изумительное. Только вот я деньги забыл. Сбегай за ними наверх. Я подожду.

Она толкнула дверь, сердясь на отца, и вместе с тем радуясь, что он такой бодрый. По лестнице она поднялась быстро, воздушно, как во сне. Вошла в коридор. Торопилась. «Он там еще простудится, ожидая меня».

Коридор почему-то был освещен. Наташа подошла к своей двери и одновременно услышала за ней свист тихих голосов. Быстро отворила. На столе стояла керосиновая лампа и сильно коптила. Хозяйка, горничная, какой-то незнакомый человек загораливали постель. Все обернулись, когда Наташа вошла, и хозяйка, охнув, хлынула к ней...

Только тогда Наташа заметила, что на постели лежит отец, – совсем не такой, каким она видела его только что: маленький слово нрзб. старик с восковым носом.

Вл. Сирин

25–26.VIII.21?[4]

Примечания

1 Очевидно, описка – должно быть «по квартире».

2 Здесь, по-видимому, пропущено несколько слов.

3 В это время Конго находилось под властью бельгийского короля Леопольда II, финансировавшего экспедицию прославленного путешественника Генри М. Стэнли в Центральную Африку. Упомянутое Набоковым о. Танганьики также было исследовано Стэнли.

4 У Б. Бойда в книге «Владимир Набоков: русские годы» указана дата 22–26 августа 1924 – прим. верстальщика fb2

Комментарии

1 Интересно отметить, что сравнение часов с ружейным присутствует также в стихотворении «Расстрел», полный текст которого приводится ниже. Сопоставление текста стихотворения и текста рассказа, по-моему, позволяет понять что приснилось старику. – прим. верстальщика fb2

Расстрел

Бывают ночи: только лягу,
в Россию поплывет кровать,
и вот ведут меня к оврагу,
ведут к оврагу убивать.
Проснусь, и в темноте, со стула,
где спички и часы лежат,
в глаза, как пристальное дуло,
глядит горящий циферблат.
Закрыв руками грудь и шею, –
вот-вот сейчас пальнет в меня –
я взгляда отвести не смею
от круга тусклого огня.
Оцепенелого сознанья
коснется тиканье часов,
благополучного изгнанья
я снова чувствую покров.
Но сердце, как бы ты хотело,
чтоб это вправду было так:
Россия, звезды, ночь расстрела
и весь в черемухе овраг.
Берлин, в конце 1927

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://nabokovvladimir.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!